

основополагающими при номинации топообъектов, и их следует в обязательном порядке учитывать при интерпретации топонимов. Выявление номинативных показателей возможно лишь при сплошном комплексном исследовании топонимического материала с привлечением сведений по географии и истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Еще в XIII—XIV вв. китайцы пробирались к оз. Дус-Холь за солью, добывали и везли ее на берег Улуг-Хема и в свои провинции. См.: Журавлев Ф., Журавлева З. Путешествуем по Туве. Кызыл, 1981. С. 53.

В. И. Мозговой

Донецк

ФОРМА ИМЕНИ И ХАРАКТЕР НОМИНАЦИИ КАК СРЕДСТВО ХРОНОЛОГИЗАЦИИ ТОПОНИМОВ

Одним из важных моментов в изучении собственных имен является определение времени и источника возникновения той или иной формы онима. Методика такого определения для иноязычных (освоенных и неосвоенных) и собственно русских (созданных в русском языке или полученных «по наследству» от других народов, населявших территорию ранее) топонимов нуждается в серьезной разработке. Опыт построения такой методики и является настоящей статьёй.

Нам уже приходилось писать о трех ступенях освоения иноязычных онимов [1]. Принципы же образования собственно русских географических названий и их взаимосвязи с иноязычными и заимствованными топонимами еще не подвергались анализу. Между тем в раскрытии сложного механизма отношений созданного на разных этапах своего и чужого в имени часто содержится ответ на вопрос о времени, месте или источнике появления топонима.

Условно процесс образования русских и адаптации иноязычных топонимов можно разделить на три основных этапа.

Особенно трудно проследить хронологию первого этапа образования топонимов, поскольку название невозможно идентифицировать письменными источниками. Как нам кажется, его целесообразно разделить на два периода: доисторический (I—IV вв.) и исторический (V—X вв.).

Гипотетически процесс номинации в доисторический период в современном его понимании практически отсутствовал. В качестве топонима нередко выступал номенклатурный термин [2]. Во всех славянских языках часты названия, восходящие к апеллятивам *река, источник* (Дон, Дунай [3]; *Rěka . Flup* [4]; Колодезь [5]), *залив* (нем., шведск. *Sund*), *остров* (нем. *Rügen*), *гора* (Полонина — Украина, *Slēme* — Югославия, *Slema* — Словакия, *Sleme* — Чехия, сербохорв. *sljēme* «вершина горы, холм», словен. *sleme* — «горный хребет, гребень горы») [6] и др.

При начинающихся позже языковых контактах и неизбежной миграции населения (V—X вв.) оставшиеся от прежних носителей слова-термины принимаются новым языковым носителем как топонимы и относятся к вполне определенному денотату [7].

При этом наблюдаются семантические перестройки, незнакомый звуковой комплекс со временем все больше приспосабливается к привычным понятиям, неконнотирующее название обрастает не свойственными ему коннотациями, топонимическими легендами, часто не отражающими действительную этимологию названия [8]. Именно поэтому в языках-рецепторах сохраняются исчезнувшие в языках-источниках гидронимы типа Дунай, Днепр. Если при этом вычленяются еще и ложные суффиксы, совпадающие со словообразовательными моделями языка-рецептора, то название скоро вообще не воспринимается как иноязычное или этимологически неясное.

Процесс начального вхождения заимствованных названий (чаще всего гидронимических объектов) в топонимическую систему другого языка (в данном случае русского) можно в какой-то степени сравнивать с процессом освоения иноязычных топонимов, функционирующих в языке древнерусской народности (IX—XIII вв.). На становление корпуса иноязычной топонимии этого периода повлияло прежде всего разложение родового строя и формирование Киевского государства, под власть которого попали многие восточнославянские и ряд неславянских племен. Это способствовало проникновению иноязычных слов в русский язык. Рождение государственности повлекло за собой принятие монорелигии (христианства), установление контактов с Византией и Римом, что не могло не отразиться на составе иноязычной топонимии [9].

Стихийное проникновение иноязычных собственных имен в древнерусский язык, кроме чисто фонетических изменений (*Иордан*—>*Ердань*, *Иерусалим*—>*Ярусалим*, *Вифлеем*—>*Вифлевом*, *Эфиопия*—>*Эфивопья*, *Александрия*—>*Олександрия*, *Ассирия*—>*Осурия* [10]), связанных с разрушением не собственных языку-рецептору звуко сочетаний путем замены их привычными звуками или протезирования, а также передающих «окающее» произношение, влекло за собой прежде всего появление семантических вариантов типа *Святая гора (Афон)*, *Дереви (Дер-*

вия) [11], *Полный (Полоное)* [12]. *Медвежья Голова (Оденне)* [13] (в этом случае, правда, не меньшую роль сыграл и экстралингвистический фактор: утверждение власти русских князей над Эстонией и Ливонией) и т. д.

На первом этапе вхождения иноязычных топонимов в другой язык в сознании нового языкового носителя происходит если не полный, то частичный отрыв названия от денотата, а поэтому становятся возможными варианты, в которых отражается стремление неясное сделать ясным, привычным. Слово как бы переходит в разряд апеллятивной лексики. Не случайно поэтому даже в XVII в. некоторые варианты иноязычных топонимов связаны не только с переводами или калькированием, но также с народной этимологией: *Нойштадт* —> *Ноугородок*; *Кенигсберг* —> *Королевец*; *Кашау* —> *Каша, Нашево*; *Брабант* —> *Баронская земля*; *Лейпциг* —> *Любцих*; *Лондон* —> *Люддин* [14] и др.

Второй этап образования топонимов (XI—XVII вв.) характеризуется качественно новым состоянием процесса номинации. Названия теперь указывают на вполне определенный объект, поскольку в их основу кладется не случайный, а индивидуализирующий признак, отличающий данный объект от других, однородных. Чаще всего используется антропонимический принцип образования для ойконимов (именно они в исследуемый период были основным источником пополнения корпуса русской топонимии, причем такой принцип номинации был прежде всего характерен для названий сел, деревень, поселков, слобод, починков, займищ и, реже, для городов [16]) и принцип называния объекта (в первую очередь, гидронимического) по каким-либо физическим, как правило, малозначимым с современной точки зрения признакам.

В этот период появляются названия типа *Волчья* (река с плохой водой), *Калка* (река с горячей водой) — в основе названия топонимический, но малозначимый признак; *Богуславль*, *Лихославль*, *Переяславль* [17], *Кузнецово*, *Филино*, *Покровское* — в основе названия антропонимический (образования от имени, прозвищ, фамилий людей) или сакральный (образования от названий церквей) принципы.

Старые, оставшиеся от прежних времен названия-термины (как заимствованные, так и отечественные) получают определения, что позволяет вычлени их из разряда апеллятивной лексики и утвердить как названия. При этом возникают формы типа *Старгород* — *Новгород*, *Altenstadt* — *Neustadt*, а также гибридные имена *Днепр*, *Днестр* [18], *Старобешево*, *Новобешево* (названия поселков в Донецкой области, в структуре которых рядом с тюркскими корнями *беш-* «пять» и *ев-* «домов» появились русские корни *стар-* и *нов-*), *Кальмиус* (славяно-тюркское гибридное имя) [19] и подобные им.

Второй этап освоения иноязычных топонимов связан с распа-

дом Киевской Руси, утверждением Московского государства и образованием великорусской народности (XIV—XVII вв.). В этот период происходит их «соединение» с денотатом имени, слово как бы «ономизируется». Варианты, связанные с большими отклонениями от первоначального облика слова, по мере освоения собственного имени отпадают, а имя выступает в фонетических и структурных модификациях, приближающихся к звучанию или написанию в воспринимающем языке или в языке-источнике: ит. *Vienpa* —> *Виена* [20], *Вена* [14, 15]; польск. *Wiedeń* —> *Виден* [14], *Веден* [15]; нем. *Wien* —> *Вен* [14] и др.

Фактор сознательности — главная отличительная черта третьего этапа образования топонимов, начавшегося в XVIII в. [21]. Здесь наблюдаются часто две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, фактор сознательности не всегда граничит с научностью. Так, сознательное имятворчество по вновь созданным или привлеченным извне иноязычным моделям (*Петербург*, *Кронштадт* и т. п. — XVIII—XIX вв.) и сознательное разрушение или переименование старых названий, характерное для послереволюционного времени (*Тверь* — *Калинин*, *Царицын* — *Сталинград* — *Волгоград*, *Кадиевка* — *Стаханов*) демонстрируют свободный подход к проблеме номинации.

С другой стороны, именно третий этап характеризуется сознательным и научным подходом к проблеме имятворчества по устойчивым моделям русского языка (*Петрозаводск*, *Целиноград*, *Комсомольск* и т. п.).

При этом, поскольку название воспринимается как нечто слитное с объектом, обладающее устойчивыми коннотациями или же носящее мемориальный характер, в его основу кладется значимый для данного периода признак: *Магнитогорск*, *Черноморск*, *Зерновое*; *Днепропетровск*, *Чистяково*; *Торез*, *Днепродзержинск*, *Куйбышев* и т. п.

Топонимы, унаследованные от ранее населяющих данную территорию народов, почти всегда утрачивают свою этимологию, ассимилируются в другом языке настолько, что утрачивают свою иноязычность. Это уже не заимствованные, а заимствованные или даже собственно национальные контаминированные имена: г. *Астрахань*, р. *Белая*, р. *Дон*, р. *Днепр*, р. *Днестр*, пос. *Старобешево* и т. п.

Что касается иноязычных топонимов, то на этом этапе они обычно входят в существующую систему словообразования и словоизменения, приобретают новую устойчивую морфологию и новые коннотации, т. е. большинство из них (особенно образованных на ранних этапах и имеющих длительную традицию употребления) могут считаться освоенными: *Копенгаген*, *Англия*, *Франция*, *Рим*, *Токио*, *Кабул*, *Алжир* и др.

Стандартизация иноязычных названий осуществляется в настоя-

щее время на научной основе под контролем постоянно действующей комиссии при ООН. Сложнее обстоит дело, когда речь идет о судьбе отечественных топонимов. Уничтожение старых названий часто производится без учета их культурно-исторической и языковой информативности.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы: 1) фонетико-морфологическая и лексико-семантическая структура топонима, характер номинации определенного народа — важное средство определения времени появления названия; 2) топонимы, особенно пришедшие к нам из глубины веков, несут не менее важную информацию о времени, характере народа, его образе жизни и мыслей, чем археологические, этнографические или фольклорные находки, поэтому их сохранение и бережное, научное отношение к ним — важная задача современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мозговой В. И. Освоение иноязычной топонимии в русском языке XVII века: (на материале «Вестей-Курантов»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1981. С. 4—9.

² Даже в настоящее время названия в речи подменяются номенклатурными терминами. Часто говорят «поехал в Город, в Деревню...», имея в виду конкретный единственный объект.

³ Заимствовано через гот. **Dōnawī* из кельт.-лат. *Dānuwīus* родственного авест. *dānu* — «река», др.-инд. *danu* — «сочающаяся жидкость», осет. *dop* — «река». См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 552.

⁴ Немецкое и серболужицкое название урочища в двуязычной Лужице. См.: Шпербер В. К соотношению между лужицкими и немецкими топонимами в двуязычной Лужице // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 384.

⁵ Встречается в бассейне реки Дона. «Апеллатив (термин) колодезь в период формирования гидронимов имел значение «источник, небольшая водная артерия» (Отин Е. С. Ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Подонья // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979. С. 6—7).

⁶ См.: Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: (проблема реконструкции): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1981. С. 15.

⁷ В речи такие явления могут происходить в любое время. Так, европеец, приехавший первый раз в Афганистан, принимает слова *саиб*, *нафар* («господин», «человек») за имена и удивляется их обилию. Часто в этих случаях, правда, подводит их созвучие именам *Сауд* и *Джафар*.

⁸ Так произошло, например, с топонимом Порохань (район харьковского течения Северного Донца) < **parata-ṣan* (ср. среднеиранское *parata-*, осет. *iord* «большая река») или гидронимом Домоткань в бассейне р. Днепр < **danu-ṣan* «колодезь вблизи большой реки». См.: Отин Е. С. Ареалы славянских гидрографических терминов... С. 12; Трубаев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 207.

⁹ В «Повести временных лет» «летописные сведения о Западной Европе поражают своей скудностью... Если с Византией Киевская Русь была связана водным путем «из варяг в греки», то с Западом удобных морских и речных путей не было... Во времена средневековья все это в немалой степени служило препятствием...» в налаживании регулярных сношений (Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVI—XVII вв. М., 1973. С. 54—55).

¹⁰ См.: *Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I. С. 1—286.

¹¹ См.: Там же. С. 3, 156, 158.

¹² См.: Там же. С. 213.

¹³ *Суздальская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. I. С. 513.

¹⁴ См.: *Вести-Куранты*. 1600—1639 гг. М., 1972.

¹⁵ См.: *Вести-Куранты*. 1642—1644 гг. М., 1976.

¹⁶ Ср.: «...Уже в первой половине XIV в. ...среди названий таких населенных пунктов, как слободы и села, на первом месте по количественному составу стоят отантропонимические ойконимы... Поскольку всякое географическое название обусловлено исторически, поскольку оно продиктовано уровнем социально-экономического развития общества, можно предположить, что уже в XIII в. модель «какой?» и «что?» в топонимии (ойконимии) русских княжеств (села *Красное, Услонь, Дуброва, Подола* и т. д.) сосуществует и начинает уступать первое место другой модели — «чей?» (города *Владимир, Дмитров*, села *Астафьевское, Алексеево*, слободы *Юрьево, Софроновская* и т. д.)» (*Гобаневский М. В.* Об основном принципе номинации в ойконимии Московской области // *Проблемы восточнославянской топонимии*. М., 1979. С. 139).

¹⁷ Названия городов и деревень на -*славль* и на -*ль* образованы от древнерусских и общеславянских двусловных имен.

¹⁸ Ср.: «Гидронимы Днепр и Днестр означают, по-видимому, «широкая река» и «быстрая река»... Каждое из этих названий этимологически соотносится с двумя языками: скифы не образовали этих названий, а лишь добавили свой географический термин Дн (*Dāni* — «река» к исходным компонентам, которые представлены в современных русских формах как -*епр*, -*естр* и исторически являются древнейшими, доскифскими названиями соответствующих рек. Эти древнейшие названия принадлежали фракийскому языку» (*Карпенко Ю. А.* О гидронимах Днепр, Днестр, Турунчак // *Русское языкознание: Респ. междувед. науч. сб.* Киев, 1982. Вып. 4. С. 11).

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Отин Е. С.* Гідронімі східної України. Киев; Донецк, 1977. С. 44—55.

²⁰ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орденом в Пруссии*. 1516—1570 гг. // Сб. рус. истор. о-ва. Спб., 1887. Т. 53.

²¹ Этот этап по праву можно назвать «веком ойконимии», поскольку большая часть новых образований в топонимии возникла в результате появления на карте огромного количества городов, сел и деревень.

В. А. Колесник

Одесса

ДВУЧЛЕННЫЕ ФОРМУЛЫ ИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В РЕЧИ БОЛГАРСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ЮГА УКРАИНЫ

На территории Одесской области проживают около 160 тысяч болгар. Это потомки болгарских переселенцев, бежавших в нашу страну из турецкого рабства в начале XIX в. Жители болгарских сел Одесщины сохраняют многие древние обычаи своей страны, в том числе болгарские народные имена и формы именования лиц.